

Ахметов М.Ш.

Драконы моря

16+

Михаил Ахметов

Драконы моря

«Автор»

2020

Ахметов М.

Драконы моря / М. Ахметов — «Автор», 2020

Рыжебородый викинг Орм вновь пускается на поиски приключений. В этот раз его ждут сокровища Гардарики, спрятанные его братом, и сражения с печенегами.

© Ахметов М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	11
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Ахметов

Драконы моря

Глава 1

О человеке с Востока

Олаф Летняя Пташка прискакал в Гронинг с десятью своими людьми, и все они были очень тепло приняты. Он гостил три дня и всё это время дружба между ним и Ормом возрастала. Однако истинной целью его поездки, как он поведал Орму, был Кивик, что на восточном побережье, где Олаф намеревался закупить соли у торговцев с Готланда, которые часто приплывали туда на своих кораблях. Услышав про то, Орм после некоторых раздумий решил поехать вместе со своим другом, с намерением сделать то же самое, ибо соль стала к тому времени воистину редкостной вещью, несмотря на то, что множество людей готовы были дорого заплатить за неё, и всё благодаря королю Свейну Вилобородому и удаче, которая сопутствовала всем его замыслам. Ибо теперь король Свейн бороздил море с огромным флотом, подобно которому никто не видывал прежде и накладывал свои алчные руки на любой корабль, что попадался ему на пути.

Он взял штурмом и разграбил Хедебю, и как рассказывали сведущие люди, опустошил целиком страну фризов; и даже было известно, что он замыслил покорить всю Англию, как только у него найдётся для этого достаточно времени. Поэтому сейчас у короля Свейна на уме были только лишь его боевые корабли и воины, торговля же, с кем бы это ни было, его не занимала, и дело дошло до того, что ни одно судно нагруженное солью не осмеливалось появляться в тех водах, где видели его корабли.

Итак, соль стала редкостью, за исключением той, что привозили из страны вендов торговцы с Готланда, но и та соль раскупалась с такой поспешностью и рвением прибрежными жителями, что не много её доставалось или не доставалось вовсе обитателям более отдалённых мест.

Орм взял с собой восемь своих людей и все они вместе проследовали с Олафом Летней Пташкой в Кивик. Там им пришлось провести в праздности несколько дней в надежде на скорое прибытие торгового судна, в то время как всё больше людей из разных мест приехавших с той же целью, собиралось вокруг на побережье. Наконец, в бухте показались два готландских корабля. Они были тяжело нагружены и бросили якоря на немалом расстоянии от берега. Ибо жажда соли была так сильна, что готландцам теперь приходилось вести торговлю с большими предосторожностями, дабы не быть убитыми разгорячёнными покупателями. Их суда были длинными, высокими и с умелыми командами, и всем кто желал купить у них что-либо, приходилось грести к кораблям на лодках, где им позволяли подниматься на борт не более, чем по двое человек за раз.

Олафу Летней Пташке и Орму пришлось нанять рыбачью лодку, чтобы тоже добраться до кораблей. Они оба надели красивые красные плащи и блестящие шлемы. Пока же они плыли, Олаф долго роптал на неказистый вид их лодки, сетуя, что не пристало таким известным предводителям как они, показываться людям на такой развалине. Когда же пришла их очередь пристать к кораблям, то они выбрали судно на котором был флаг предводителя, и когда они поднимались на борт, то их гребцы, один человек Орма, а другой Олафа, громко прокричали их имена, дабы готландцы могли сразу понять, что они удостоены чести принять настоящих вождей.

– Олаф Стюрсон знаменитый предводитель Финнведена, которого многие называют Олаф Летняя Пташка, – выкрикнул один.

– Орм Тостиссон Путешественник, морской вожь, зовущийся также Рыжий Орм, – прокричал второй гребец.

Готландцы принялись толковать меж собой, когда услышали их имена и затем несколько человек выступило гостям навстречу, ибо некоторые из них знали Олафа по делам в Восточных Землях, а другие, те кто плывал с Торкелем Высоким в Англию, помнили Орма по тому славному походу.

В нескольких шагах от места, где они поднялись на борт, сидел человек. Услышав их имена, он вдруг простонал что-то без слов и простёр к ним левую руку. Это был большой мужчина с всклокоченной бородой, которая уже начала сесть; на лице у него была широкая повязка скрывавшая глаза, и когда он протянул к ним руку, Орм и Олаф увидели, что его кисть обрублена по запястье.

– Гляньте на этого слепца, – сказали готландцы – он хочет что-то сказать.

– Похоже, он знает кого-то из вас, – промолвил предводитель корабля. – И вы тоже должны знать, что у этого человека нет языка и он не может говорить, так что и мы сами не ведаем кто он таков. Его привёл к нам торговец с Востока, когда мы стояли на якоре в устье Двины и вели там торговые дела с куршами. Он сказал нам, что этот человек хочет добраться до Сконе. У него было серебро, чтобы заплатить за поездку, поэтому я дозволил взять его на борт. Этот человек, хоть и не говорит, но понимает нашу речь, и я потратил изрядно времени пытаясь узнать кто он таков и откуда родом. Но всё, что я понял из своих расспросов, это то, что его родичи живут в Сконе. Но больше я ничего о нём не узнал, даже его имени.

– Язык, оба глаза и правая рука, – сказал Олаф Летняя Пташка, – только люди из Византии могли поступить с ним таким образом.

Слепец закивал головой, услышав его слова.

– Я, Олаф Стюрсон из Финнведена, и я был на службе в варяжской страже императора Василия в Миклагарде. Это меня ты знаешь? – спросил Олаф.

Человек отрицательно затряс головой.

– Может быть, тогда это я, – промолвил Орм, – хотя, я пока не могу догадаться, кем ты можешь мне приходиться. Я Орм, сын Тости, сына Торгрима из Маунда. Ты знаешь меня?

При его словах, слепец закивал в волнении головой и что-то промычал.

– Ты был с нами во время испанского похода с Кроком? Или в Англии с Торкелем Высоким?

Но на оба этих вопроса человек только тряс головой из стороны в сторону. Орм снова задумался.

– Может быть, ты сам из Маунда? – спросил он.

В ответ на это, слепец снова согласно кивнул и задрожал всем телом.

– Много времени прошло с тех пор, как я покинул эти края, – промолвил Орм, – но если ты узнал меня, значит мы могли бы быть соседями. Ты тоже был в других землях много лет?

Человек медленно кивнул и издал глубокий вздох. Затем он поднял левую руку, растопырил пальцы и снова сжал кулак. Он повторил это пять раз, а на шестой показал всего четыре пальца.

– Наша беседа идёт лучше, чем кто-либо мог бы предположить, – заметил Олаф Летняя Пташка, – и если мои мысли верны, то этот человек хочет сообщить нам, что его не было в здешних краях двадцать девять лет.

Слепец кивнул в согласии.

– Двадцать девять лет, – задумчиво повторил Орм, – это значит, что мне было тринадцать, когда ты уехал. Но тогда я должен помнить тебя, если ты действительно покинул наши края в то время.

Человек поднялся на ноги и встал прямо перед Ормом. Его губы шевелились, и он водил оставшейся рукой, как будто моля Орма быстрее вспомнить, кто он такой.

– Ты мой брат Ари? – сказал Орм и голос его вдруг изменился.

На лице слепца появилась слабая улыбка. Он ещё раз кивнул головой только уже медленно, а затем вдруг осел на скамью, продолжая дрожать всем телом.

Все кто был рядом, были изрядно удивлены этой встречей и многим пришлось в голову, что они стали свидетелями события достойного, дабы рассказать о нём другим людям. Орм же продолжал стоять молча в глубоких раздумьях, глядя на слепца.

– Я бы солгал сейчас, если бы сказал, что я узнал тебя, – промолвил Орм, – ибо прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз, и ты должен был сильно измениться с тех пор. Но тебе лучше тогда поехать со мной, и там куда мы приедем, ты найдёшь кое-кого, кто и вправду сможет узнать тебя, если ты тот человек, за которого себя выдаёшь. Ибо наша престарелая мать всё ещё жива и она часто вспоминала о тебе. Как бы то ни было, только Господня воля могла направить твои шаги, так чтобы несмотря на твою слепоту, ты смог найти дорогу домой ко мне и к матери.

После этого Орм и Олаф начали торг с готландцами за соль. И они оба были поражены скаредностью и бессердечием, которые выказали готландцы, перейдя к торговым делам. Многие из команды судна владели своей долей корабля и его груза, поэтому они все были добрыми и дружелюбными только когда речь заходила о посторонних предметах, но становились холодными и острыми как сталь, когда дело доходило до цены на товар.

"Мы не принуждаем никого действовать против его воли", говорили готландские торговцы, "в том, что касается покупки соли или в чём-нибудь ещё. Но, если кто хочет купить наши товары, то он либо должен заплатить нашу цену или идти прочь. Мы намного богаче, чем другие люди и собираемся наживать добро и дальше, ибо мы, готландцы, более разумны, чем другие народы. Мы не грабим и не убиваем как другие, но увеличиваем наше богатство почтенной торговлей; и мы знаем лучше всех, что соль теперь стала ценным товаром. Хвала доброму королю Свейну, что поспособствовал поднять наши цены!"

– Я не считаю мудрым никого кто восхваляет короля Свейна, – с горечью промолвил Орм, – и я думаю, что легче найти справедливость у морских разбойников и убийц, чем у таких людей как вы.

– Многие часто говорят, так же как ты, – ответили готландцы, – но таким образом они совершают несправедливость. Взгляни на своего несчастного брата, которого ты нашёл на нашем корабле. У него полный пояс серебра и его немало; но никто из нас не покушался на его добро за исключением того, что мы заранее потребовали с него за проезд и еду. Другие люди украли бы его пояс с серебром и выбросили его самого в море; но мы, готландцы, честные торговцы, пусть и многие думают о нас по другому. Хотя, надо признать, что если бы у твоего брата было золото вместо серебра, он бы не был в такой безопасности, ибо мало кто может выдержать искушение золотом.

– Теперь мне снова хочется выйти в море, – сказал Орм, – если бы только мне выпал случай встретить там такой же как у вас корабль.

Готландцы расхохотались.

– Много людей желают этого, – ответили они, – но всё с чем они возвращаются домой после такой попытки, в лучшем случае, это тяжелые раны требующие надлежащего ухода. Ибо ты должен знать, что мы сильные бойцы и не боимся выказать свою силу, коли в этом возникнет надобность. Мы боялись одного лишь Стирбьерна, но кроме него никого. Но достаточно разговоров; решай же скорей, покупать что-либо у нас или нет, ибо ещё много желающих ждут своей очереди.

Олаф Летняя Пташка наполнил солью свои мешки и заплатил за товар не тратя лишних слов; когда же Орм подсчитал сумму, которую должен был отдать за соль, то у него напротив нашлось немало лишних слов для готландцев. Но найденный брат, коснулся его рукой и рас-

крыв свой кулак показал ему несколько серебряных монет, которые он затем осторожно на ощупь переложил в ладонь Орма.

– Видишь! – закричали готландцы, – мы говорили правду. У этого человека много серебра. Теперь ты можешь не сомневаться, что он твой брат.

Орм колеблясь посмотрел на серебро и затем произнёс:

– Я возьму от тебя, Ари, эти деньги. Но ты не должен полагать, что я недобрый или бедный человек, ибо у меня достаточно добра для нас обоих. Но оскорбительно переплачивать таким торговцам как эти готландцы.

– Они превосходят нас числом, – сказал Олаф, – и кроме того, нам нужна соль, какова бы ни была цена. Но это правда, что приходится быть воистину состоятельным человеком, чтобы иметь возможность заключать сделки с готландцами.

Они коротко попрощались с купцами, переправили купленную соль на берег и направились к дому; и Орм с трудом мог понять, радоваться ему или печалиться, что он везёт домой брата столь жестоко изувеченного.

Во время их обратного путешествия, когда они остановились и разбили лагерь, чтобы переночевать, Орм и Олаф попытались посредством разных вопросов разузнать у Ари, что же с ним приключилось. Сам Олаф Летняя Пташка не мог припомнить, чтобы он видел человека похожего на Ари в Миклагарде, но после многих расспросов удалось дознаться, что тот был предводителем одного из императорских кораблей, и его увечья были следствием плена после битвы, а не какого-то наказания; Олаф оказался прав, однако, в своей догадке, что это с ним сделали именно византийцы. Но большего, чем эти сведения Орму и Олафу получить не удалось, хотя они и задавали свои вопросы тщательным образом, так чтобы Ари мог ответить либо да, либо нет, и они видели, что и самому Ари доставляет страдание то, что они не могут найти верные вопросы, а он не может верно направить их мысли. Они поняли, что Ари пережил необыкновенные злоключения, где нашлось место и золоту и сокровищам, и что он хочет поделиться с ними тем, что знает; но все их попытки понять его оказались пока напрасны.

– Ничего не остается, как запастись терпением, – наконец решил Орм, – бесполезно для нас и далее мучить тебя вопросами, ибо это никуда не ведёт. Когда мы доберёмся до дома, то попросим нашего священника помочь нам, и тогда возможно мы раскроем твои загадки, хотя как нам это удастся, пока выше моего понимания.

А Олаф Летняя Пташка добавил:

– Но даже всё то, что он сможет поведать нам о себе, не станет более удивительным, чем то, что он сумел найти путь домой через многие моря и земли даже в таком бедственном положении. Если даже такая необыкновенная вещь смогла произойти, то есть надежда, что не будет невозможным и для нас раскрыть его тайну. Я сам не покину Гронинг и не отправлюсь домой, пока не узнаю всё, что он хочет нам рассказать.

Ари вздохнул, вытер пот с бровей и приосанился.

Когда показался Гронинг, Орм поскакал вперёд, чтобы прежде уведомить Асу, ибо он опасался, что внезапное появление Ари в таком виде может быть слишком сильным ударом для неё. Сначала Аса была ошеломлена тем, что он ей сообщил и начала горько рыдать, затем однако же, она упала на колени, ударила головой о скамью и возблагодарила Господа за возвращение сына, которого она так долго считала пропавшим.

Когда они провели Ари в дом, она выбежала в слезах, дабы обнять его, и долго не выпускала из своих объятий, затем она принялась упрекать Орма за то, что он не сразу узнал своего брата. После того, как она немного успокоилась, она заметила, что следует сделать более удобную повязку для его глаз, затем услышав, что он голоден, она повеселела и убежала на кухню, чтобы приготовить собственноручно те блюда, которые, как Аса помнила, он любил больше всего. Несколько дней она двигалась как в полусне, не думая ни о ком кроме Ари, и о том лишь, как бы ещё о нём позаботиться. Когда он выказал хороший аппетит, она сидела и смотрела

со счастливым видом, как он ест; когда однажды он притронулся к её руке, чтобы выразить благодарность, она разразилась слезами радости; когда же он утомлённый её беспрестанными болтовнёй и вниманием прижал одну руку и обрубок другой руки к своим ушам и громко застонал, она остановилась в смущении на целую минуту, прежде чем начать всё сызнова.

Остальные люди в доме были исполнены состраданием к Ари и старались помочь ему во всех вещах, которые только могли вообразить. Дети сначала боялись его, но вскоре напротив полюбили. Ему же больше всего нравилось, когда по утрам его провожали на реку, где он рыбачил на отмели с кем-нибудь, кто бы мог помочь ему наживить крючок и закинуть удочку. Черноволосый стал его любимым спутником в рыбной ловле, а также Рапп, когда у того было свободное время, ибо именно этим двоим из всех домочадцев более всего нравилось посиживать в тишине и спокойствии, как и ему самому.

Каждому человеку в доме было любопытно узнать больше о несчастьях, которые обрушились на него, ибо Орм поведал домашним, что ему удалось узнать от Ари во время возвращения из Кивика. Олаф Летняя Пташка отправил своих людей домой вместе с купленной солью, оставив с собой в Гронинге лишь двоих; он сказал Ильве, что хотел бы задержаться здесь до тех пор, пока им не удастся раскрыть все тайны Ари, так как у него такое чувство, что они могут оказаться очень важными. Ильва же была довольна тем, что он остался, ибо она любила Олафа и всегда радовалась, когда он навещал их дом; кроме этого, она уже давно заметила, что его взгляд чаще других останавливается на Людмиле, которая к тому времени превратилась в молодую пятнадцатилетнюю девушку, хорошевшую с каждым днём.

– Это большая удача для нас, что ты решил остаться, – сказал Орм, – ибо мы не сможем узнать много от Ари без твоей помощи; только ты из нас был в Миклагарде и знаешь людей, что там живут.

Но несмотря на все их усилия, помощь отца Виллибальда и женщин, они не никак не могли узнать больше об истории Ари. Всё что им удалось установить, это то, что его беды приключились с ним в печенежских землях возле порогов на реке Днепр, там где были волоки для кораблей. Но свыше этого они ничего пока выяснить не смогли, а Олаф Летняя Пташка, заметил, что ему вообще трудно представить, что византийцам могло понадобиться в тех местах.

Затем Орм замыслил новый способ, который бы мог им помочь. Ари умел вырезать руны, так что Орм предложил Раппу выстругать доску из дерева, гладкую и белую, чтобы Ари мог писать на ней куском угля левой рукой, которая осталась неповреждённой. Ари взялся за дело с большой готовностью и какое-то время упорно трудился; но он был правой, поэтому писал левой рукой очень неуклюже и из-за своей слепоты громоздил руны одну на другую, так что никто не мог разобрать, что он хотел написать. В конце концов, его охватил гнев, он выбросил доску с углём и больше не повторял своих попыток.

Но всё-таки, именно Рапп и отец Виллибальд придумали нужный способ, в один прекрасный день, когда они сидели и чесали головы по этому поводу. Рапп сделал короткую деревянную дощечку, выровнял и отполировал её, а затем глубоко и тщательно вырезал на ней шестнадцать рун, отделённых одна от другой бороздками так, чтобы их легко было распознать на ощупь.

Они принесли дощечку Ари, дабы он мог взять её в руки и пощупать; и когда он понял, что хотят от него Рапп со священником, всем вокруг стало ясно, что на сердце у него полегчало. Ибо теперь он мог прикасаться к рунам по очереди так, чтобы из них получались слова, которые он хотел сказать, а отец Виллибальд, который сидел позади него с пергаментом и пером мог теперь их записать вслед за ним. Поначалу работа шла медленно и с трудом, но со временем Ари выучил расположение рун на дощечке, и все кто оказывался рядом, сидели теперь затаив дыхание, следя за тем, как на пергаменте появляются осмысленные слова. Каждый вечер священник зачитывал домашним всё, что он записал в течение дня. Люди жадно слушали, и

через три недели вся история была записана полностью. Но ту часть, в которой говорилось о сокровищах и где они лежат, отец Виллибальд прочитал только Орму.

Глава 2.

О золоте Булгар.

Я самый злополучный человек, ибо меня лишили глаз, языка и моей правой руки, а мой сын был убит императорским казначеем. Но я также самый богатый человек, ибо я знаю, где спрятано болгарское золото. Я поведаю тебе, где оно лежит потому, что я не хочу умереть с тайной спрятанной у меня в груди, и ты, священник, повтори всё моему брату, но больше никому. Пусть он сам решит, достоин ли кто другой про неё услышать.

На реке Днепр, там где корабельный волок поднимается мимо великих порогов, сразу перед третьим порогом, как если бы человек шёл с юга, от правого берега между курганом печенегов сложенным из черепов и небольшим утёсом в реке, на котором растут три розовых куста, под водой в узком проходе, где каменное дно истрескалось и скрылось под большими камнями, в том месте, где скала начинает выдаваться и укрывает под собой ложе – там лежит болгарское золото, и только я один знаю об этом.

Столько золота, сколько едва могут унести двое сильных мужчин, лежит там под водой в четырёх ларцах с императорской печатью рядом с пятью мешками серебра, и мешки эти тяжелы. Эти сокровища раньше принадлежали булгарам, которые похитили их у многих богатых людей. Затем они стали принадлежать императору Миклагарда и были украдены его же казначеем Теофилом Лакенодрако. Потом сокровища стали моими, и я спрятал их там, где они лежат до сих пор.

Я поведаю тебе, как всё это случилось. Когда я впервые прибыл в Миклагард, меня приняли в императорскую стражу, как это происходило со многими людьми с севера задолго до меня. Много шведов и данов служат там, есть люди с Норвегии и даже из Исландии и западных земель. Дело это выгодное и платят серебром, хотя я прибыл слишком поздно к тому времени, когда умер базилевс Иоанн Цимисхий и варяжская стража успела вынести всё ценное из дворца; это был удачный промысел, и его ещё продолжали при мне вспоминать люди, которые в нём участвовали. Ибо это уже старый обычай, что когда умирает император, его страже дозволяется разграбить дворец. Много ещё я бы мог рассказать тебе, священник, но я буду говорить только о важных вещах, ибо возня с рунами и дощечкой сильно утомляет меня.

Я долго прослужил в императорской страже, стал христианином и взял в жёны местную женщину. Её звали Карбонопсина, что значит «чернобровая» и она была родом из хорошей семьи по мнению византийцев, ибо её отец был братом жены второго хранителя одежд трёх императорских принцесс.

Ты должен знать, что в Миклагарде, кроме императора Василия, который бездетен, есть ещё его брат соправитель Константин, которого тоже называют базилевсом. Но Василий истинный император. Именно он правит землями, подавляет мятежи и ведёт каждый год войну против булгар и арабов, пока Константин, его брат, сидит дома во дворце и забавляется со своими сокровищами или разгоняет скуку, развлекаясь с царедворцами и евнухами, которые толпятся вокруг него. Когда кто-то из них говорит ему, что он также велик, как его брат или даже превосходит его, то он бьёт лъстеца по голове своим чёрным посохом с золотым орлом, но удар этот всегда лёгкий; зато затем смельчак вознаграждается богатыми дарами. Он делается жестоким человеком, когда проявляет свойственный ему юмор и становится ещё хуже, когда напиивается пьян.

Он и есть отец этих трёх принцесс, которые почитаются там больше, чем какие-либо люди в этом мире, ибо сейчас только они дети императорской крови, могущие сохранить род базилевсов. Их зовут: Евдокия, которая горбата и обезображена оспой; Зоя, одна из самых прекрасных женщин, но которую с юных лет постоянно обуревают похоть; и Теодора, слабоум-

ная и набожная. Все они незамужние, ибо во всём мире нет мужчин им под стать, так говорят императоры – и это уже несколько лет сильно бесит Зою.

Мы же, как телохранители базилевсов, по очереди отправлялись на войну вместе с императором Василием или оставались охранять дворец с его братом. Очень много я помню с тех времён и многое из того мог бы рассказать тебе, но это заберёт слишком много времени, и поэтому я буду теперь говорить о своём сыне.

Моя жена назвала его при рождении Георгием и крестила его; я же был тогда на войне вместе с императором. За это я отстегал её по возвращении и нарёк его добрым именем Хальфдан. А когда он вырос, получилось так, что его стали звать обоими именами.

С матерью и другими людьми он говорил на греческом наречии, которым там пользуются женщины и священники, но со мной он разговаривал на нашем языке, хотя он и выучился говорить на нём не сразу. Когда ему исполнилось семь лет, моя жена умерла объевшись устриц; и больше я не брал там жён, ибо это никчёмное дело жениться на чужеземках. Женщины в Миклагарде не стоят того. Как только они выходят замуж, они тупеют и становятся ленивыми, а деторождение делает их жирными и строптивыми. Когда же мужья пытаются их приструнить, они с воплями спешат к своим священникам и епископам. Они не похожи на наших женщин с севера, которые работающие и прилежные, и кои становятся только мудрее и краше с возрастом. Так считал я и все остальные викинги, что служили в императорской страже. Многие из моих товарищей меняли жён каждый год и всё равно никак не могли найти для себя наиболее подходящую.

Но мой сын всегда радовал меня. Он был стройным и быстрым, острым на язык и весёлым. Он ничего не боялся, даже меня. Когда он был маленьким, женщины на улице оборачивались, чтобы бросить на него ещё один взгляд, а когда он подрос, стали делать это ещё проворней. Это стало его несчастьем, но было уже ничего не поделать. А теперь он мёртв, но я редко о нём забываю. Мой сын и болгарское золото, это всё о чём я вспоминаю сейчас. Оно могло стать его собственностью, если бы удача не отвернулась от нас.

Когда его мать умерла, мой сын стал проводить много времени с её родственниками, хранителем одежд принцесс Сумбатом и его женой. Они были уже стары и бездетны, ибо если смотритель служит на женской половине дворца, то он должен быть оскоплён. Но Сумбат всё равно был женат, так как это в обычае у византийских евнухов. Он и его жена любили Хальфдана, хоть и звали его Георгием, и когда я был в отлучке по своей службе у базилевса, они заботились о моём сыне. Однажды, когда я возвратился с похода, я нашёл старика плачущим от радости. Он рассказал мне, что мой сын стал наперсником принцесс, особенно Зои, и что он уже успел подраться с ней, но не смог победить, поскольку Зоя была старше его на пару лет. И несмотря на драку, Зоя сказала, что она всё равно предпочитает его, как своего друга, чем племянницу митрополита Льва, которая всякий раз валится на колени и заливается слезами, если ей вдруг порвут одежду во время игры, или сына камерария Никифора, у которого заячья губа.

Сама императрица Елена, как сказал старик, потрепала мальчика по голове и назвала его маленьким волчонком и велела ему не дергать её высочество Зою за волосы, даже если она плохо с ним обращается. Тогда Хальфдан уставился на императрицу и спросил, когда же он сможет это сделать. В ответ на это императрица изволила снисходительно рассмеяться, что стало по словам евнуха, наисчастливейшим событием в его жизни. Хотя, это всё ребяческие пустяки, но и для меня вспоминать о них, осталось одной из немногих оставшихся радостей.

Со временем многое изменилось, и я многое пропущу, чтобы не сделать мой рассказ слишком долгим. Но спустя следующие пять лет, когда я уже командовал отрядом телохранителей, однажды Сумбат снова нашёл меня, и в этот раз плакал он не от радости. В тот день во дворце он наведёлся в покои, в которые обычно редко кто заходил, ибо в них хранились одежды для коронации, чтобы посмотреть не видно ли там крыс. Вместо крыс он обнаружил там Хальфдана и Зою, сделавших себе ложе те самые наряды для коронации, которые они

для этой цели вытащили из сундуков, и занятых новой игрой, при виде которой он застыл на месте от ужаса,. Пока он стоял как громом поражённый, они подхватили свою одежду и исчезли, оставив после себя измятые императорские наряды цвета пурпура, шёлк для которых был привезён из самого Китая. Не зная что делать, старик как мог разгладил и привёл платья в порядок, а затем с оглядкой вернул их обратно в сундуки. Он сказал мне, что если бы кто ещё прознал про это, то у него, как кастеляна, была бы одна участь – лишение головы.

Как раз в это время императрица лежала больной в постели, и все царедворцы по этой причине были в её покоях, и у них не было времени отвлечься на что-либо ещё; поэтому за принцессой Зоей следили не так ревностно, как обычно, и она сумела воспользоваться этой возможностью, чтобы соблазнить моего сына. Старик сказал, что нет сомнений в том, что вина целиком лежит на Зое, ибо никто не поверил бы, что сам мальчик тринадцати лет мог вынашивать такие дерзкие замыслы. Но уже ничего не могло изменить случившегося, и Сумбат счёл это наихудшим ударом судьбы, что когда-либо обрушивался на него.

Но я лишь посмеялся над его рассказом, подумав, что мальчик повёл себя как истинно мой сын, и попытался успокоить старика, сказав ему, что Хальфдан пока ещё слишком юн, чтобы подарить Зое маленького императора, как бы сильно они оба не старались; и то, что хоть одежды для коронации и помялись, но вряд ли они понесли какой-то действительный ущерб. Но евнух продолжал хныкать и стенать. Он сказал, что все наши жизни в опасности – его, его жены, моего сына и даже моя – ибо император Константин прикажет немедленно убить нас всех, если узнает о случившемся. Никто, добавил он, не может усомниться, что Зоя не испугается того, что её видели с Хальфданом, ибо хотя ей всего лишь пятнадцать, характер у неё как у пышущей пламенем дьяволицы, а не краснеющей девственницы, поэтому нет сомнения, что она снова будет пытаться соблазнить моего сына, благо что он единственный в её окружении кто не похож ни на женщину, ни на евнуха. А когда этот позор выйдет наружу, Зоя отделается в худшем случае упрёками от епископа, зато все мы будем казнены.

Понемногу его страх начал передаваться и мне. Я вспомнил о виденных мною людях, которые были изувечены и убиты за оскорбление императорского достоинства за все годы, что я служил в воряжской страже. Я послал за моим сыном, и мы оба набросились на него с упрёками за то, что произошло, но он сказал что ни о чём не сожалеет. Это случилось не в первый раз, сказал он, и его не надо было соблазнять как невинное дитя, ибо он разбирается в любви не хуже Зои. Я понял, что теперь ничто не сможет их разлучить, но большое несчастье постигнет всех нас, если мы позволим их встречам продолжаться. Поэтому я запер сына в доме евнуха и отправился во дворец, чтобы добиться встречи с начальником дворцовой стражи.

Его звали Захарий Лакендрако, и он носил титул главного оруженосца, что является большой честью среди византийцев. Это был высокий старик почтенного вида, с пальцами унизанными драгоценными перстнями, мудрый и сладкоречивый, но хитрый и исполненный яда в душе, как любой вельможа в Миклагарде. Я смиренно склонился перед ним и сказал, что мне не по душе быть телохранителем, и что я прошу дозволения провести оставшиеся годы службы на императорских военных кораблях. Он задумался над моей просьбой и нашёл трудным её исполнить. Но затем поразмыслив, он заключил, что сможет помочь мне, если я окажу ему ответную услугу. Его желание, сказал он, чтобы архимандрит Софрон, который был исповедником Константина, получил бы добротную взбучку, ибо он стал его злейшим врагом и в последнее время наговаривал базилевсу на Захария у него же за спиной. Он желал бы, чтобы я сделал всё без кровопролития мечом или копьём, а только лишь хорошей палкой, которой можно было бы вбить в архимандрита немного ума. И добавил, что лучше всего было бы устроить дело вечером возле императорских садов, через которые Софрон обычно спешил домой от базилевса на своём белом муле.

Я ответил, что уже долго являюсь христианином и это будет тяжким грехом для меня поднять руку на святого отца. Но он по отечески пожурил меня, объяснив, что я заблуждаюсь.

«Ибо архимандрит», – сказал он – «еретик и путает две ипостаси Христа, что и явилось причиной того, что мы стали врагами. Поэтому побить его палкой будет благочестивым деянием. Но это опасный человек, и будет мудрым, если ты возьмешь с собой по меньшей мере ещё двоих помощников. Ибо перед тем как стать монахом, он был предводителем разбойников в Анатолии, и всё ещё легко может лишить жизни человека ударом кулака. Только очень сильные мужи, такие как воины из варяжской стражи, способны задать ему достойную трéпку. Но я уверен, что твоя сила и проницательность помогут устроить это предприятие. Главное, позаботься о добрых палках и сильных людях.»

Так говорил оруженосец Захарий, обманывая меня и ввергая в грех. С тех пор Господь продолжает наказывать меня за избиение святого человека; ибо хотя он и мог раньше быть нечестивым, но всё равно оставался святым человеком. Но тогда, я не понимал этого. Я взял двух товарищей на которых мог положиться, Оспака и Скали, снабдил их вином и деньгами и предложил им отколотить человека, который путает две ипостаси Христа. Их сначала удивило, то что потребуется трое нас, чтобы справиться с одним, но когда вечером мы набросились на архимандрита, их удивление рассеялось. Ибо, когда мы напали на него, его мул тут же лягнул меня, а своими чётками, которые он носил на руке, и которые оказались сделаны из тяжёлых свинцовых бусин, он так сильно ударил Скали по виску, что тот рухнул замертво и больше не поднялся. Но Оспак, здоровенный парень с Эланда, сильный как медведь, стащил его с седла и сбросил на землю. К тому времени наша кровь уже кипела в жилах, и поэтому мы отколотили архимандрита сильнее, чем рассчитывали. Он же изрыгал проклятья и взывал о помощи, но за это можно было не беспокоиться, ибо когда в Миклагарде кто-то слышит крик о помощи, то сразу же бежит в другую сторону, чтобы не быть потом обвиненным в преступлении. Наконец, мы услышали стук копыт и поняли, что это приближаются хазарские лучники из городской стражи, так что мы оставили в покое архимандрита, который был уже не в силах подняться на ноги и пустились наутёк. Но мы не смогли забрать с собой Скали.

На следующий день я вернулся к Захарии, который был настолько доволен, тем как обернулось дело, что принял меня с великими почестями. Всё, как он довольно сказал, вышло даже лучше, чем он смел надеяться. Скали был уже мёртв, когда стража нашла его, и теперь архимандрит оказался в тюрьме по обвинению в уличном насилии и убийстве. Теперь можно было рассчитывать, что он окажется на свободе не раньше, чем лишится ушей, ибо император Константин боится своего брата, а базилевс Василий всегда требовал суровых наказаний для монахов уличённых в неподобающем поведении и кроме того он очень не любит, когда убивают его телохранителей. Так что в награду за успех моя просьба будет незамедлительно исполнена. Он уже поговорил, по его словам, со своими значительными друзьями занимающими высокое положение при дворе, и что очень скоро я буду назначен капитаном одного из багряных кораблей, которые считаются самыми лучшими во флоте императора.

Вышло так, как он обещал, ибо даже византийские царедворцы иногда держат своё слово. Я получил назначение на прекрасный корабль и как можно скорей отплыл со своим сыном подальше от императорского дворца и несчастий, которые он нам сулил. Мы гребли по направлению к землям Апулии, где сражались с последователями Мухаммеда, как с сицилийцами так и с теми кто был родом из более отдаленных мест. Мы долго оставались там и пережили немало приключений, о которых было бы слишком долго рассказывать. Мой сын рос сильным и прекрасным. Я сделал его лучником на своём корабле. Ему нравилось море и мы были счастливы там. Но когда мы были на суше, он часто увлекался женщинами, как это постоянно случается с молодыми людьми, и это приводило к размолвкам между нами. Когда мы стояли на якоре в императорских гаванях, в Бари или Тарентуме, в Апулии, или в Модоне, или в Непанто, где находились корабельные верфи, и где нам платили за службу серебром, там всегда во множестве были женщины на любой вкус, ибо, где бы ни оказались мореплаватели с добычей и серебром, в это место всегда с готовностью стекаются женщины. Но в тех же горо-

дах были и военачальники называвшиеся стратигами, и обутые в отделанную серебром обувь флотские предводители, и городские чины зовущиеся асикритами и логофетами, которые заведовали делами налогов и выплатами жалованья. И у всех у них были жёны, красивые женщины с голосами подобными воркованию голубей, белыми руками и разукрашенными глазами. Они были исполнены притягивающего колдовства, но не для нас норманнов, как я часто повторял Хальфдану.

Но он обращал мало внимания на мои речи. Несчастьем было то, что женщин всегда тянуло к нему, а он полагал, что только самые лучшие из них достойны его, как возлежавшего с дочерью самого императора. Византийские женщины пылки своим нравом и часто наставляют рога своим мужьям, если их обуревают похоть. Но мужья не выносят, когда их обманывают, и те из них, кто занимает высокое положение, велят предавать смерти молодых людей на которых падает подозрение в прелюбодеянии, и часто убивают заодно и своих жён, чтобы успокоить свой дух и затем жениться снова в надежде на более удачливый брак. Я только и делал, что молил Хальфдана оставить в покое замужних женщин и довольствоваться теми, чья добродетель их собственное дело. И если бы он следовал моим советам, то того, что случилось, никогда бы не произошло. Он был бы сейчас жив, и я бы не был таким, каков теперь. И я не сидел бы здесь, рассказывая тебе про болгарское золото. И лучше бы было так. Его убили не из-за женщины, но из-за золота. Но женщина была виной тому, что наши пути разошлись и всё остальное последовало за этим.

Это случилось в то время, когда императорский оруженосец Захарий Лакендрако выплюнул хлеб причастия в лицо своему недругу архимандриту Софрону, который к тому времени вернул себе благосклонность императора, и возопил перед собравшимся двором, что архимандрит отравил его. За это священнослужитель был наказан плетьюми и изгнан в удаленный монастырь, но и Захарий поплатился своей должностью и своими ушами за оскорбление Христа. Ибо даже, если христианин знает, что причастие отравлено, то он должен смиренно проглотить его, а не выплевывать и вопить об этом на весь белый свет.

Когда вести об этом из Миклагарда достигли меня, я неистово расхохотался, подумав, что трудно было бы решить, кто из них двоих более исполнен зла, и что теперь намерения их обоих лишить своего противника ушей, исполнились

Но у Захария был сын по имени Теофил. Ему было уже тридцать лет, и он служил при императорском дворе. Когда его отец потерял свою должность и уши, Теофил добился приёма у обоих императоров и пал перед ними на колени. Он сказал, что прегрешение совершённое его отцом было воистину непростительным, но последовавшее наказание стало столь лёгким, что слёзы счастья выступают у него на глазах, когда он думает о мягкосердечии судей. Итак, он восхвалял добродетель обоих императоров с такой страстностью, что вскоре базилевс Василий сделал его своим казначеем на флоте. Это значило, что он теперь надзирал за дележом всей добычи, какую бы ни захватили императорские корабли и вдобавок заведовал выплатой морякам серебра.

Мы пришли на багряных кораблях в Модон, чтобы обскрести кили обросшие ракушками и получить оговоренную плату. Казначей Теофил был там со своею женой. Я никогда не видел её, но мой сын сразу её приметил, а она его. Первый раз они встретились взглядами в церкви, и хотя он был всего лишь простой лучник, а она знатная женщина, не прошло много времени, как они тайно встретились и разожгли пламя страсти в объятиях друг у друга. Но я ничего не знал о этом, пока однажды он не пришёл ко мне и не сказал, что ему наскучило море и он хотел бы устроить себе место в хозяйстве у казначея. Женщина же сказала Теофилу, что Хальфдан сын человека, который оказал хорошую службу его отцу, досадив архимандриту, поэтому Хальфдан заполучил расположение не только своей любовницы но и её мужа.

Когда я услышал каким образом он завоевал приязнь казначея, я сказал, что поступать таким образом, это всё равно, что сразу вонзить меч себе в грудь. И что для меня будет тяжким

несчастьем потерять единственного сына из-за размалеванных женских глаз. Но он был упрям и отказался слушать мои советы. Он сказал, что эта женщина подобна ангельскому свету, и ничто не сравнится с ней, и он не сможет без неё жить. А теперь он станет богатым человеком с именем на службе у казначея, и ему не придётся больше оставаться нищим лучником. К тому же, нет никакой опасности, что его могут убить из-за неё, ибо он сам наполовину византиец, если я об этом забыл, и лучше разбирается в здешних обычаях, включая женщин. Когда он сказал это, меня охватил великий гнев и я проклял само имя его матери; и мы расстались.

Это стало большим несчастьем для меня. Но я надеялся, что со временем он наскучит этой женщине, или она сама надоест ему, и он возвратится ко мне. «Тогда», – думал я, – «когда моя служба закончится, мы оба вернёмся домой на север, он найдёт себе суженую и позабудет о своей византийской крови.»

Прошло время, и император Василий, величайший полководец, когда-либо правивший в Миклагарде, начал новый поход против булгар. Его враги были смелыми воинами и ужасными разбойниками, подобными чуме для своих соседей; итак, они пробудили гнев многих базилиевсов, и теперь император Василий поклялся уничтожить их царство до последнего человека, а их царя повесить в цепях на воротах его же собственного города. Он двинулся на их земли с могущественным войском, и его багряный флот вошёл в Черное море, дабы опустошить побережья булгар.

Но двенадцать лучших кораблей, и в том числе мой, были выбраны для другого. Мы взяли на борт столько воинов сколько могли вместить наши суда и поплыли на север вдоль берега, пока не достигли устья реки зовущейся Дунай, и это величайшая из всех рек, которую я видел. Предводителем нашего флота был некий Бардас; у него был самый большой корабль из всех нас, и когда мы поднимались вверх по реке, до меня дошли слухи, что казначей Теофил плывёт вместе с ним. Я возрадовался сердцем, ибо надеялся снова увидеть сына, если он жив. Но никто не мог объяснить, зачем казначей сопровождает наши корабли.

До нас донёсся звук рога, и за излучиной реки мы увидели большую крепость. Она стояла на холме недалеко от реки и была окружена рвами и частоколом. Окрест неё лежали болота и дикие места, где не было ничего, кроме тростника и птиц. Мы осматривались в удивлении, недоумевая зачем бы императору посылать нас в столь странное место. Но наши воины и лучники высадились на берег и стали штурмовать крепость. Булгары доблестно сражались на своих крепостных валах, и только на второй день мы добились победы. Меня ранили стрелой в плечо и я вернулся на корабль. Там мне вытащили стрелу из раны и перевязали; когда настала ночь, я сидел на палубе и видел, как догорает крепость, и как люди казначея возвращаются оттуда с пленниками, шатающимися под тяжестью награбленной победителями добычи. Корабль Бардаса и казначея был ближе всего к крепости, за ним стояли ещё два корабля, затем был мой, а выше в ряд вдоль реки выстроились остальные суда. Вскоре после наступления темноты мы услышали тревожные крики с одного из кораблей стоявшего ниже нас, и люди с других судов начали кричать в ответ, спрашивая друг друга, что случилось. Мне же показалось, что кто-то из воинов решил подобраться к добыче тайком без спроса, и теперь Бардас преподаёт им заслуженный урок. Скоро шум прекратился, все стихло, и был слышен только вой волков чужавших кровь. Итак, я всё сидел на прежнем месте и сон не шёл ко мне, ибо рана моя болела.

Потом к моему кораблю подплыл человек. Я услышал, как он плыл, но ничего не мог разобрать во тьме. Я схватил копьё и велел ему назвать себя, ибо я опасался, что это могут быть болгарские лазутчики, но когда он ответил мне, сердце моё забилося сильнее, потому что, то был голос моего сына. Когда я втащил его на палубу, он сел у борта, еле переводя дух. Я заметил: «Отрадно видеть тебя здесь. Я уже почти перестал надеяться, что мы встретимся снова.» Но вместо приветствия он тихо произнёс: "Бардас только что убит на своем корабле, и многие другие вместе с ним. Казначей Теофил и его отец бежали с золотом – там было много

золота, больше, чем ты можешь себе представить. Мы должны догнать их и забрать золото себе. Есть ли у тебя воины на борту?»

Я дал ему воды, чтобы он перевёл дух, и ответил, что на корабле осталось пятнадцать лучников, остальные на берегу, но что мне бы хотелось знать побольше об этом золоте, о котором я впервые слышу. Он с охотой ответил: «Это золото самого болгарского царя, который хранил его в этой крепости. Император Василий прознал про него и отправил нас сюда вместе с казначеем, которому он доверяет. Я своими глазами видел, как это золото перенесли на корабль и даже помог запечатать его в ларцах императорской печатью. Но Теофил ненавидит императора за то, что тот сделал с его отцом. Старик здесь с ним и они вместе задумали это злодейство. Все их люди были заранее подкуплены и когда наступила ночь, они убили Бардаса и его приспешников вместе со всей его охраной. Им легко удалось это злодеяние, ибо никто ничего не подозревал. Но я сказал себе: «Это золото принадлежало императору и никто не смел под страхом смерти прикоснуться к нему. Но теперь сокровища в руках казначея, и если отнять золото у него, то чьим тогда оно тогда станет?» Я думал над этим, а затем дождавшись удобного момента выскользнул за борт и поплыл к твоему кораблю. Они меня не хватились, ибо думали, что я был убит в стычке. Но ответь ты мне, отец: чьим станет золото, если лишить их его?»

Я сказал ему: «Теперь нетрудно догадаться, по какой причине казначей поставил свой корабль ниже всех остальных по течению, ибо так проще ускользнуть с сокровищами в темноте. И если они сбегут, то золото будет принадлежать, тем кто сможет отнять его и сохранить; ибо таков закон моря. Поначалу они наверняка осторожно спустятся вниз по реке, стараясь не издать лишнего звука, затем когда отойдут подальше, возьмутся за вёсла. Когда начнёт рассветать, они поставят парус и с попутным ветром скоро достигнут устья реки. Неплохо было бы знать, куда они держат путь дальше. Много здесь требует тщательных раздумий, и я не хочу ничего предпринимать, пока не буду уверен, что решил всё правильно.»

Хальфдан сказал: «Казначей объяснил мне, что мы должны бежать за Крым в Тьмутаракань где мы разделим сокровища, а затем отправимся к хазарам, где сможем укрыться в безопасности от гнева императора; после чего, он посулил, мы будем вольны идти туда, куда захотим. Он сказал такие же слова всем своим людям; но, если поразмыслить, это означает лишь то, что как раз туда он и не собирается. К тому же незадолго до этого, я услышал украдкой разговор казначея со своим отцом, после того как им пришли некие известия. Старик сказал, мол, отрадно для них знать, что великий князь киевский снова начал приживать детей от своих наложниц и перестал благоволить своей законной жене, сестре византийского императора, так что дружба между правителями поубавилась. Поэтому я думаю, что они повезут золото в Киев.»

Я сказал ему: «Хальфдан, ты мудр, хотя и молод, и я думаю, что ты догадался верно. Если они направляются в Киев, то поплывут в том направлении, которое и нам хорошо подходит, ибо оно на полдороге к нашему дому. Когда они достигнут Киева, мы сможем найти там добрых людей, которые помогут нам отнять золото, если нам не хватит своих сил. Но сейчас не следует торопиться, ибо они не должны заподозрить, что их преследуют, иначе они будут настороже и выберут другую дорогу. Но, перед рассветом, пока в нашем лагере всё спят, мы снимемся с якоря, не поднимая шума. Я был сильно удручён, Хальфдан, когда ты оставил меня, но возможно то, что случилось послужит к лучшему и обернётся большей удачей для нас обоих.»

Так говорил я необдуманно; ибо какой бог любит, когда человек хвалится удачей ещё до того, как она придёт к нему? Я спросил его о женщине, которая соблазнила его. Он ответил, что она наскучила казначею, и он заключил её в монастырь, ибо она всегда яростно сопротивлялась, когда он по каким-то причинам пробовал её высечь. Что касалось самого Хальфдана, то она разочаровала его ещё раньше, ибо домогалась и других молодых людей кроме него.

Это утешило меня, и я наобещал ему много прекраснейших женщин, которых мы раздобудем, когда вернёмся домой с золотом.

Когда небо перед рассветом начало менять цвет, мы осторожно подняли якорь и отошли от берега, пока наши гребцы спали на скамьях и вёсла были подняты из воды; нам повезло, что никто не проснулся не окликнул нас, и река бесшумно понесла корабль вниз по течению. Когда команда и лучники пробудились ото сна, я поставил им лучшее угощение и выпивку покрепче, чем они обычно обходились; затем я объяснил им, что мы преследуем грабителей, которые сбежали с добычей императора. Но более того, я им ничего не стал говорить. Я не считал, что поступаю бесчестно и краду принадлежащий базилевсу корабль, ибо я желал только одолжить его до того времени, пока мы не достигнем своей цели. Мне это показалось справедливым, тем более, что он сам задолжал мне плату за целый год.

Мы вышли из устья реки и поплыли через море, ещё не будучи уверены в верности своих догадок; но когда мы достигли Днепра, мы заметили рыбаков и узнали от них, что один из императорских багряных кораблей зашел в реку за день до нас. Наш корабль был меньше размером, чем у казначея, но я не опасался, ибо со мной были лезгинские и хазарские лучники искусные в стрельбе, в то время как у Теофила были только люди из его свиты.

Мы с трудом поднимались на вёслах вверх по реке, и когда мои гребцы начинали жаловаться на усталость, я давал им двойную меру вина, утешая себя мыслью, что казначей находится ещё в более трудном положении, ибо его корабль был тяжелее. Я не находил взглядом ни конских табунов на берегах, ни самого присутствия печенегов, чему мы были несказанно рады, ибо когда печенеги выходят на войну или пасут своих коней по берегам Днепра, то они считают и реку и то, что по ней движется своей единоличной собственностью, и в это время ни одному кораблю невозможно безнаказанно пристать к берегу. Они самый заносчивый народ и худшие разбойники, и даже сам император каждый год платит им деньги в залог дружбы.

На четвёртый день мы увидели тела трёх человек плывущие вниз по течению. По рубцам на спинах стало понятно, что это гребцы казначея, которые обессилели от работы на вёслах. Но для нас это был ободряющий знак, что мы можем нагнать его у порогов. На другой день ещё больше тел проплыло мимо нас, но они не принадлежали людям Теофила. Затем мы увидели его опустелый корабль, застрявший на отмели. Я понял, что казначей повстречал местное судно и захватил его, так что теперь он мог продолжить путь быстрее и ему будет проще перетащить его вместе с сокровищами через пороги волоком. Ибо тащить по суше византийское военное судно с килем деяние не из лёгких.

К вечеру восьмого дня мы услышали шум порогов и приблизились к корабельному волоку. Поблизости никого не было, за исключением двух гребцов, которых бросили на берегу умирать, ибо они окончательно изнемогли. Мы дали им вина, чтоб привести их в чувство, и они поведали нам, что казначей этим же днём велел своим людям поставить захваченный корабль на катки для волока. Но они не нашли поблизости ни волов ни лошадей, так что им пришлось тащить судно вручную, что стало тяжким трудом, ибо все они уже совсем обессилели и теперь не могли от нас далеко уйти.

Я и Хальфдан воспрянули духом, когда услышали слова гребцов. Мы захватили с собой наших лучников и отправились по следу оставленным кораблём. Мы догнали их между вторым и третьим порогом Днепра. Как только я их заметил, то велел своим воинам сразу же свернуть от волока, дабы обойти врага стороной. Мы быстро обогнули курганы печенежских вождей возвышавшиеся на берегу и разукрашенные черепами, и обогнав людей казначея, засели впереди в засаде, поджидая, пока они не приблизятся к нам почти вплотную. Я сразу узнал Теофила и его отца в полном вооружении, с обнажёнными мечами, идущих рядом с кораблём. Четырём своим лучникам я приказал взять обоих на прицел, а остальным убить людей, которые следили за гребцами, волочившими корабль.

Зазвенели тетивы, несколько человек упали на землю, и мы обнажив мечи, с воинственным кличем высыпали на дорогу. Увидев нас, гребцы побросали верёвки и разбежались в стороны, всё пришло в смятение; но казначей и его отец остались невредимы, ибо дьявол и их добрая броня смогли их защитить. Захарий, которого оцарапали несколько стрел, помчался от нас быстрее всех, как молодой олень. Но я не обратил особого внимания на старика, ибо больше был занят его сыном. Я увидел, как он обернулся к нам в изумлении, и побелел лицом, когда наши стрелы и боевые вопли настигли его. Но он быстро пришёл в себя и со страшной бранью собрал вокруг себя своих людей, дабы они могли защититься сами и защитить золото, с которым он не имел никакой охоты расставаться. И хорошо, если бы он тогда так и остался на этом месте навечно.

Хальвдан, я и десятник лучников, лезгин по имени Абчар, первыми набросились на врага и сразились людьми защищавшими казначея. Я увидел, как Теофил в ярости оскалил зубы, узнав Хальфдана, но мы никак не могли добраться до него, ибо его воины бились храбро, несмотря на то, что он сам малодушно стоял позади, не вступая в схватку. К нам на подмогу подоспели остальные лучники и мы смогли оттеснить врагов к самому кораблю, но пока мы их одолели, казначей и ещё несколько его людей сумели сбежать.

Уже спускался вечер, и я был в сомнении, что следует предпринять. Десятник лучников был человеком, который всегда действовал, не задавая лишних вопросов; и я приказал ему как можно скорее взять своих людей и преследовать врага до реки, не останавливаясь, пока не наступит ночь. Я сказал ему, что император назначил высокую плату серебром за казначея, и также за его отца, и расплатится сполна с теми, кто принесёт их головы. Итак, Абчар поторопился им вслед со всеми своими лучниками.

Как только Хальфдан и я остались одни, мы бросились на корабль. Там, под палубой, спрятанные за мешками и бочками, в четырех маленьких ларцах и семи кожаных мешках, запечатанные императорской печатью лежали сокровища. Но вид такого богатства принёс мне больше заботы, чем радости его обладанием; было бы нелёгким делом утаить эти сокровища от других людей и преуспеть в том, чтобы привезти золото и серебро домой, не вызывая подозрений.

Хальфдан сказал мне: «Нам надо спрятать это до тех пор, пока не вернулись лучники.»

«Но, где мы найдем такой огромный тайник, чтобы спрятать столько богатств?», удивился я.

«На дне реки», ответил он.

«Ты прав», решил я, и сказав ему, пока оставаться здесь, поспешил к Днепру.

Вскоре я нашёл место, о котором уже тебе рассказал, место над которым пеняся, несутся воды реки. Вместе мы перетащили туда сокровища и тщательно их укрыли, но после некоторых раздумий я всё же оставил два мешка серебра на корабле.

После вернулся Абчар со своими лучниками. Они принесли с собой три отсечённые головы, но не тех людей, которые были мне нужны. Мы подкрепились едой и питьём из корабельных запасов, и я сказал Абчару: «Посмотри, здесь мы нашли два мешка с печатями императора. Это то сокровище, которое похитил казначей Теофил. Но золото ли или серебро это, я не ведаю, ибо никто не смеет сорвать императорские печати. Сейчас же я в трудном положении, ибо нам должно как можно скорее вернуть серебро базилевсу, но я также не могу возвратиться без головы казначея. Итак, вот как мы сделаем. Я и мой сын, отправимся вверх по реке на поиски Теофила, пусть даже для этого нам придется достигнуть Киева; и ещё двое из вас кто захочет, могут присоединиться к нам. Ты же должен вернуться с остальными людьми и захваченным сокровищем на мой корабль и приказать оставшейся команде доставить тебя в Миклагард. Мы же четверо вернёмся, когда у нас будет голова казначея.»

Таковы были мои слова и Абчар кивнул и взвесил на руке оставшиеся мешки. Он поговорил со своими людьми, и двое его хазар присоединились к нам. Абчар и оставшиеся с ним

люди скоро покинули нас вместе с серебром, и я возрадовался, что всё пока идет как задумано. Лучники мне были нужны, дабы помочь управиться с судном, чтобы случайно не столкнуться на суше с печенегами или возможно с самим казначеем, если он попытается собрать против нас оставшихся у него людей. Я надеялся, что они всё еще убегают от нас, но я ошибался.

Мы были сильно утомлены и ночью я заступил на стражу первый. Затем я приказал одному из хазар сменить меня, но он должно быть заснул, дабы приговор небес над нами мог исполниться. Ибо, пока все мы спали, казначей со своим отцом и четырьмя уцелевшими воинами внезапно напал на нас. Меня разбудил шум от того, что кто-то споткнулся о камни и я тут же вскочил на ноги с обнаженным мечом. Двое человек бросились на меня, и пока мы бились, я увидел, что казначей сразил одного из хазар и развернулся к Хальфдану с занесённым над головой мечом. Хальфдан должно быть спал глубоким сном, ибо он едва ли успел вытащить меч; и я отдал бы свою жизнь и всё золото, лишь бы оказаться между ним и казначеем. Те кто бился со мной, пали, но я даже не заметил этого, ибо всё что я видел, был стоявший с мечом казначей и мой сын лежавший у его ног. Я ударил обеими руками; это был мой последний удар мечом, но он стал самым лучшим. Мой меч рассёк его шлем и кольчужный капюшон и разрубил ему череп так глубоко, что я увидел, как зубы вылетели у него из глотки. Но и он успел перед смертью ударить меня мечом и его лезвие вошло мне в глаз. Я пал на землю, зная что смерть уже идёт за мной, но это не страшило меня, ибо Хальфдан был мёртв, и я успел отомстить за него, а всё остальное уже не имело значения.

Этот рассказ лишает меня последних сил, но немного осталось до его окончания. После я помню только, что я лежал на земле связанный, и меченосец Захарий сидел рядом и смеялся, но его смех не был похож на человеческий. Он поведал мне, как он изуевчит меня и всё допытывался о пропавшем золоте. Я плюнул ему в лицо и предложил показать мне свои уши. С ним оставался ещё один человек, и они отсекали мне кисть и прижгли обрубок кипящим маслом, которое они отыскиали на корабле, дабы я не умер слишком скоро. Захарий обещал мне лёгкую смерть, если я поведаю ему, где спрятано золото. Но я не был столь уступчив и не боялся пыток, ибо в душе я уже умер. Я сказал ему, что золото на пути обратно к императору, и в конце концов, он поверил мне. Больше мы не разговаривали.

Потом я услышал вскрик, и кто-то рядом застонал и начал хрипеть, а после наступила тишина. Затем я лежал на дне лодки, и кто-то волок её по земле. Меня напоили, но я все ещё ничего не понимал. Затем лодка оказалась на воде, и мне показалось, что я плыву в мире мёртвых. Но человек сидевший на вёслах, болтал без умолку, и я понемногу начал понимать о чём он толкует. Это был второй хазарин. Он пел и насвистывал и был очень весел. Он сумел убежать ночью, когда на нас напали и после пытался найти мой корабль, но тот уже ушёл с лучниками Абчара. Тогда он вернулся, подкрался сзади к людям, что изуевчили меня и убил их из лука. Зачем он спас моё полумёртвое тело, я до сих пор не знаю, но может быть, он просто был добрым человеком, а такие нередко встречаются среди хазар. Два местных жителя приплыли на лодке с другого берега, чтобы обобрать трупы, и он подарил им целый корабль казначея со всем содержимым в обмен на их лодчонку и обещание помочь со мной. Так всё должно было случиться; но я знаю об этом лишь с его слов.

Итак, он всё время посмеивался от удовольствия и восхвалял свою удачу, ибо на телах казначея и его сына он нашёл немало золота и серебра, а также брони и оружия, и всё что он забрал себе, было прекрасной работы. Он обобрал и других мертвецов лежавших поблизости, взяв с них серебро и украшения и снял прекрасное золотое кольцо с руки моего сына. Теперь же, он говорил мне, он собирается приобрести коней в Киеве и одну-двух женщин, дабы после вернуться в своё поселение богатым человеком в полном вооружении. Хазарин продолжал заботиться обо мне, но не переставал рассказывать о своих мечтах. Я же мечтал только о том, чтобы вывалиться от него из лодки в воду, но, увы, я был слишком слаб даже для этого.

Он знал, что я и раньше собирался в Киев, и когда он привёз меня в город, то отдал на попечение одним монахам. Я желал вознаградить его, ибо он не притронулся к моему поясу с зашитым серебром, но он не принял ничего. Довольно, он сказал, и так, чем он владеет и кроме того, он уже угодил Богу тем, что заботился обо мне.

Я остался у монахов и они ухаживали за мной до тех пор, пока мне не стало лучше, и я вновь не начал задумываться о сокрытом золоте. Потом люди с севера приходили в гости к монахам и спрашивали меня обо всём. Они поняли, что я желаю добраться до дома и увидели, что у меня есть серебро заплатить за перевоз. Итак, я начал плыть вверх по реке, с одного корабля меня передавали на другой, и так было, пока я не попал на готландское судно, где нашёл меня Орм.

Всё это время меня мучили думы, что я никогда не смогу никому поведать о болгарском золоте и где оно спрятано, даже если чудесным образом, я достигну дома и снова обрету своих родичей. Но благодаря твоей мудрости, священник, я поведал всё, что знаю и могу упокоиться в мире.

Ибо Орм теперь волен делать то, что он хочет. Это великое сокровище достаточное для множества людей, и никто не скажет какова истинная цена ему и сколько крови пролилось ради него. Оно спрятано там, в месте о котором я поведал, и нетрудно будет найти его тому, кто знает, где искать.

Есть и ещё один знак рядом, указующий на это место; кости казначея Теофила и меченосца Захарии обклёванные воронами – да, блуждают их души без прибежища до Страшного Суда и сына моего, Хальфдана, пусть помилует его душу Господь.

Глава 3

Как было решено отыскать сокровище.

Как только Орм узнал про спрятанное золото, он тотчас послал своего человека с восточной к Токи. «Передай ему», – сказал он, – «что я хотел бы отправиться за золотым кладом на Восток, а он человек, чьё мнение я ценю выше всех, и было бы неплохо, если бы он приехал сюда поскорее.» Токи хватило и этого короткого сообщения, и прежде, чем отец Виллибальд закончил записывать историю Ари, он уже примчался в Гронинг, горя желанием узнать больше об этом деле.

После добрых приветствий Токи принял кубок пива, живо опустошил его и весело произнёс:

Бьётся парус,
скрипят вёсла.
Ждут нас золото,
моря брызги,
киль смолёный.

В ответ Орм промолвил уже не так весело:

Много нам лет с тобою,
мудрости нам хватает.
Только теперь уж в битве,
нам не блистать как раньше.

Дело у нас другое:
как раздобыть украдкой,
золото Гардарики.

«И это сокровище настолько велико», – добавил он, – «что здесь я никак не могу обойтись без дружеского совета, ибо Ильва ничего не хочет советовать мне; она говорит, что я должен всё решить сам без неё, и поверь, такое случается с ней не каждый день. Поэтому я и послал за тобой. Здесь с нами также Олаф Летняя Пташка, который сам был на Востоке и известен своей мудростью. Но три головы лучше, чем две, особенно, если надо решиться на такое рискованное предприятие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.